

МАТЕРИАЛЫ И ИССЛЕДОВАНИЯ ПО ЭТНОГРАФИИ И АНТРОПОЛОГИИ ЗАРУБЕЖНЫХ СТРАН

Ю. В. ИВАНОВА

ОБЫЧНОЕ ПРАВО СЕВЕРНОЙ АЛБАНИИ КАК ЭТНОГРАФИЧЕСКИЙ ИСТОЧНИК

Комплекс неписаных норм, порядков, обычаев, регулировавших семейную и главным образом общественную жизнь, в Албании называется «канун» (закон). Содержание этого слова по смыслу близко к широко известному термину «адат».

В Албании известно несколько таких комплексов, каждый из которых носит особое имя: «Kanun i maleve» (Закон гор) — на северо-западе страны, в горной местности Мальсия э Малэ; в средней Албании — «Kanun i Skanderbegut», связанный с именем исторического героя Албании Георгия Кастриоти-Скандербега; в долине Шкумбини — «Zakoni i Mus Ballgjinit», не исследованный до сих пор в научной литературе; в Лябрии (долина Виосы) — «Sharti i Jdriz Sulit». Не известно, были ли записаны в свое время эти законники; во всяком случае их письменных следов не сохранилось. Позднейших записей не было сделано. Албанские этнографы в настоящее время приступают к записи устной традиции и ретроспективному изучению этих норм. Их предварительные выводы позволяют полагать, что кануны севера, центра и юга страны по существу очень близки друг к другу; некоторые различия между ними можно объяснить особенностями исторического развития каждой области¹.

Наиболее известный из этих комплексов, — «Kanun i Lekë Dukagjini» (Канун Лека Дукагьини). Он распространен на довольно обширном пространстве к северу от линии устье р. Мат (на западе) — среднее течение Черного Дрина (на востоке). Косвенное влияние Кануна наблюдалось также в городах к западу и востоку от Северных Альп — в Шкодре, Леже, Призрене, Дьякове и Пейе.

В научной литературе существует несколько гипотез о происхождении названия данного Кануна: одни связывают его с именем Лека Дукагьини (1410—1481) — политического деятеля эпохи Скандербега (эта гипотеза пользуется наибольшим признанием в литературе)²; другие —

¹ См.: Rr. Zojzi, Mbi te drejtën kanunore të popullit shqiptar, «Buletin për shkencat shoqerore», 1956, № 2, стр. 144—146.

² S. Villari, Le consuetudini giuridiche dell' Albania, Roma, 1940, стр. 11 (этот автор ссылается на F. Tajani, Le istorie albanesi, Salerno, 1886, эпоха III, стр. 11); J. Hahn, Albanesische Studien, Jena, 1854, стр. 88; A. Galanti, L' Albania, Roma, 1901, стр. 143; E. Durham, Some Tribal origine laws and customs of the Balkans, New York, 1929, стр. 64—66; Gj. Castelletti, Consuetudini e vita sociale nelle Montagne Albanesi secondo il kanun i Lek Dukagjinit, в кн.: «Studi Albanesi», т. III—IV, Roma, 1933—1934; Rr. Zojzi, Kanuni i Lekë Dukagjini si një burim etnografik, 1957, Рыкопись, стр. 4.

с именем Паля Дукагьини³; третьи считают, что в названии закона отразились имена двух племенных групп: Leka и Dukagjini⁴.

В современной устной народной традиции северной Албании название Кануна связывается обычно с неким Леком. Однако образ его очень неясен, а время, когда он жил и дал народу свои законы, никто себе не представляет. Вместе с тем в народе утверждают, что «это был сильный закон и никакого другого не было больше» (имеются в виду, конечно, свои горы); «как Лека сказал так и осталось в народе»⁵.

Мы оставляем в стороне вопрос о том, было ли когда-либо записано обычное право северной Албании и что означает собственное имя, которое оно носит. Сейчас для нас важно лишь то, что целый ряд норм, относящихся к этому правовому комплексу, сохранялся до последнего времени в народном быту.

Общезвестны те исторические причины, в силу которых старинные черты общественной жизни удерживались в северной Албании⁶ дольше, чем в центральных и южных областях страны.

В конце XIX—начале XX в. Албания находилась еще в составе Османской империи, господство которой губительно отражалось на экономическом и культурном развитии поработенной страны, способствовало разобщению ее отдельных областей.

В северной Албании влияние турецкого правительства шло с запада: опорными пунктами его были города Подгорица, Шкодра, Леж, и с востока — по линии Печ (Ипек) — Призрен — Дьякова. Но влияние это практически почти не проникало в центральную часть северной Албании — в области Дукагьини, Никай и Мертури. Жители этого высокогорного района, население которого было сосредоточено по речным долинам, занимались скотоводством (главным образом — овцеводством) и земледелием (на искусственных террасовых полях). Крестьяне этих районов круглый год выпасали скот на горных пастбищах (летом на высокогорных, зимой — вблизи селений), поэтому им не приходилось, подобно жителям других районов, арендовать пастбища в равнинных областях страны.

Отсутствие крепких хозяйственных связей в сочетании с территориальной отдаленностью и бездорожьем послужили в основном причинами большей изолированности Дукагьини, Никай, Мертури по сравнению со всеми остальными районами Албании. В североалбанской деревне среди местного населения не было ни специалистов-ремесленников, ни торговцев (в горных селениях было всего несколько лавок, содержащихся приезжими купцами). Несколько раз в год крестьяне отправлялись в города Шкодру и Дьякову, чтобы купить тот минимум промышленных и ремесленных изделий (оружие, некоторые сельскохозяйственные орудия и домашнюю утварь, хлопчатобумажную ткань, женские украшения) и продовольствия (соль, сахар, кофе), который требовался в хозяйстве. Но основным товаром, за которым горец шел в город, был хлеб, так как своего хлеба, собранного с крохотных террасовых полей, как правило, до нового урожая не хватало. На покупку хлеба обычно шли деньги, вырученные за проданный скот⁷.

³ Noli Fan, *Georgia Castrioti Scanderbeg*, Boston, 1947.

⁴ Valentini, *Mendime paraprake dhe të pergjithshme mbi Kanuni e quejtun të Lekë Dukagjinit*, в кн.: «Instituti i studimevet shqiptare. Studine e tekste», dega I, Roma, 1943.

⁵ Полевой дневник автора, 1956 г., стр., 78, 126, 174. (Арх. Ин-та этнографии АН СССР, Москва).

⁶ Здесь и далее под северной Албанией подразумевается территория в пределах современных политических границ Народной Республики Албании. В областях Косове и Метохии (ныне в пределах Федеративной Народной Республики Югославии) также в прошлом имел силу Канун Лека Дукагьини.

⁷ Полевой дневник автора, 1956 г., стр. 121, 152, 161, 177—78, 203—24; 1958 г., стр. 19, 28, 30, 34.

На протяжении всего времени турецкого владычества (XV—XIX вв.) в Албании не прекращалась борьба против поработителей. В восстаниях, крестьянских волнениях неоднократно принимали участие жители северных областей, они почти никогда не пропускали турецких солдат в свои горы, не платили налогов Османской империи и были обязаны ей только военной службой.

Хозяйственная деятельность и быт населения Мирдиты — обширной горной области к югу от р. Дрин — в общем сходны с жизнью северных горцев, хотя природа здесь мягче, чем на севере. В политическом отношении Мирдита занимала исключительное положение: во главе ее стоял дом Гьомарков, или Маркагьонов⁸ — военно-политических главарей, связанных с турецким правительством⁹. К концу XIX в. Мирдита представляла собой крупное политическое объединение, в области внутреннего самоуправления практически почти независимое от турецкого правительства.

Все эти обстоятельства привели к формированию двух сравнительно замкнутых групп населения — горцев северных высокогорных районов и Мирдиты, — которые хотя и были политически подчинены Турции и признавали ее власть, однако сохранили относительную самостоятельность в области самоуправления, а также католическое вероисповедание.

Именно там почти до наших дней сохранялась родовая структура общества. «Фис» (fis) на албанском языке означает группу родственников по мужской линии¹⁰. На севере Албании под этим термином понимается довольно обширная группа лиц, ведущих свое происхождение от одного легендарного предка, живущих на одной территории, связанных определенной системой общественной организации, соблюдающих строгую экзогамию. Нам представляется, что в этом понимании слово «фис» можно перевести — «род»¹¹. В условиях турецкого господства родственные объединения оставались естественными, подсказанными жизнью объединениями, необходимыми для защиты от произвола завоевателей.

Позже (в конце XVIII или в XIX в.) была создана (по всей вероятности, турецкой администрацией) новая общественная организация, основанная на территориальном признаке и выполнявшая административно-военные функции¹²: организация байраков (или флямуров) с байрактарами (флямуртарами) во главе¹³.

Турецкой администрации приходилось считаться с существующей среди горцев родовой структурой. Поэтому первоначально байрак должен был объединять часть рода — «Këmb e fisit» (буквально — «нога рода»); практически же соотношение фисов и байраков оказалось очень сложным: крупный род мог включать несколько байраков (Дукагьини), несколько мелких родов объединялись в один байрак (Пульти) или же род соответствовал байраку (Красничи).

Организация фисов, их внутренняя жизнь и взаимоотношения с другими фисами были основаны на нормах Кануна Лека Дукагьини, и

⁸ Gjon Mark, Mark Gjon — обычно это имя произносится слитно: Gjomark.

⁹ Впоследствии они перешли на службу и содержание к правительствам европейских империалистических государств, имевших свои политические интересы в Албании, и при их поддержке пользовались неограниченной властью в Мирдите.

¹⁰ «Fis» часто переводят «род», «генс», «племя». Действительно, это единственный термин, который обозначает широкую родственную группу — род или племя. В то же время в народе этим же термином обозначают и более узкую родственную группу (См.: С. И с л я м и, Семейная община албанцев, «Сов. этнография», 1952, № 3, стр. 126).

¹¹ В интересах терминологической ясности в этом и во всех подобных случаях в настоящей работе будут употребляться албанские термины.

¹² Rr. Z o j z i, Kanuni i Lekë Dukagjini..., стр. 33, 36.

¹³ Bajrak — по-турецки, flamur — по-албански, означает «знамя»; bajraktar, flamurtar — «знаменосец». Среди албанского народа приняты турецкие термины «байрак», «байрактар».

именно там, где внутреннее самоуправление не было подчинено турецкой администрации, где административные, судебные и военные функции находились в руках местных родовых старейшин, нормы обычного права сохраняли свою жизненную силу. Такими областями являются, главным образом Дукагьини, Никай, Мертури и некоторые другие, где байрактары имели небольшой авторитет и были вынуждены считаться с родовыми старейшинами¹⁴, и Мирдита, где их роль свелась только к военному руководству¹⁵. Там, где прежняя родовая организация стала приходить в упадок или совсем потеряла свое значение, байрактары — ставленники правительства — сумели захватить в свои руки общественные функции потерявших авторитет родовых старейшин. Это имело место, например, в северо-восточном районе страны, называемом Мальсия э Гьяковэс. Если северо-запад Албании в экономическом отношении тяготел к городу Шкодре — центру католической культуры Албании, то ее северо-восток был связан с городом Дьяковой (ныне — в пределах Югославии). Население северо-восточного района (области Красничи и более мелких соседних с ней областей), а также Люмы, примыкающей к Мальсии э Гьяковэс с юга, — мусульмане. В Красничи обычное право стало терять свою силу значительно раньше, чем в Дукагьини и Мирдите, так как эта местность испытывала сильное турецкое влияние; кроме того, там имелась значительная прослойка сравнительно крупных землевладельцев, смыкавшихся с турецкими властями.

Крайние западные области распространения Кануна — Мальсия э Лезес и Задрима — земледельческие районы, заселенные выходцами из разных областей северной Албании (в подавляющем большинстве — католиками), утерявшими в значительной степени старинные родовые традиции. Здесь не было байраков. Под словом «фис» здесь понимается небольшая родственная группа, потомки первых переселенцев. Нормы обычного права держались здесь в той степени, в какой они не противоречили турецким законам, главным образом в области семейного быта, гостеприимства, кровной мести и т. п.

В более развитых экономически и политически и более подчиненных турецкой администрации центральных и южных районах страны, а также на северо-западе, в районах, непосредственно примыкающих к Шкодре, приблизительно уже со второй половины XIX в. развивались буржуазные отношения, уничтожавшие пережитки феодализма и родоплеменного устройства, а вместе с ними и нормы обычного права.

* * *

Обычное право северной Албании было записано католическим священником Стефаном Константином Гьечовым (Shtjefen Konstantin Gjeçov, 1874—1929) в бытность его приходским священником в селах этой части страны¹⁶. Частично эти материалы были опубликованы собирателем в журнале «Hylli i dritës»¹⁷, а позже, уже после смерти собирателя, вышли отдельной книгой на албанском языке¹⁸.

¹⁴ Полевой дневник 1956 г., стр. 88, 165, 210, 212.

¹⁵ Там же, стр. 247, 249.

¹⁶ Gj. Fishta, Parathëne, в кн.: «Kanun i Lekë Dukagjinit», Shkodër, 1933, стр. XXIV; P. Bardhi, Shenime biografike mbi A. Shtjefen Konstantin Gjeçov, там же, стр. XV—XVII.

¹⁷ P. Sh. Gjeçov, Kanuni i Maleve, «Hylli i Dritës», Shkodër, 1913, №№ 1—10; 1921, №№ 6, 7, 8; 1922; 1923, №№ 3—7; 10—12; 1924, 1930 (в некоторые годы выходило только по одному номеру).

¹⁸ «Kanuni i Leke Dukagjinit, permbletje e kadifikue prej A. Shtjefen Konstantin Gjeçov» Shkodër, 1933 («Закон Лека Дукагьини, собранный и обработанный братом Стефаном Константином Гьечовым», Шкодер, 1933).

Основной текст «Кануна Лека Дукагьини» содержит 1263 параграфа и делится на 12 книг: «Церковь», «Семья», «Брак», «Дом, скот, имущество», «Труд», «Даяние», «Сказанное слово», «Честь», «Убытки», «Канун против низости», «Законы совета старейшин», «Освобождения и исключения»¹⁹. Внутри каждой книги имеется по нескольку статей.

В приложении даны «Примеры к Кануну Лека Дукагьини» (33 документа): записи различных постановлений, составленных на основании традиционных норм, а также конкретные примеры, подтверждающие те или иные параграфы Кануна.

Книга снабжена словарем редких слов и выражений. В ней опубликованы также воспоминания современников о С. К. Гьечове и его биография.

В различных областях Албании, где действовал Канун Лека Дукагьини, в силу особенностей хозяйственной и общественной жизни обычное право имело свои специфические отличия, порою незначительные, но влиявшие на общий характер правовых норм, иногда же довольно существенные. Из анализа материалов, собранных и опубликованных Гьечовым, видно, что они относятся в основном к областям Мирдита, Мальсыя э Лежес, Задрима.

Запись Кануна была произведена между 1896 г., когда Гьечов начал службу приходского священника, и 1913—1920 гг., когда были опубликованы его материалы. Наиболее ранний из документов, помещенных в приложении к Кануну, датирован 1864 г., самый поздний — 1907 г.; примеры, приведенные в приложении, также в большинстве случаев датированы 1850—1920 гг. Таким образом, подавляющее большинство этих материалов приходится на конец XIX — начало XX в. К сожалению, сам собиратель очень часто умалчивает о времени, к которому относится тот или иной параграф Кануна, это затрудняет понимание текста и является одним из существенных недостатков его книги. Равным образом Гьечов оставляет без внимания многие существенные особенности экономической и общественной жизни различных областей страны. Особенно это касается тех норм и обычаев, в которых отражены социальные отношения. Тем самым затушевывается факт неравномерного экономического общественного и политического развития отдельных районов страны, нашедший отражение в обычном праве, несмотря на его общую основу²⁰.

Используя книгу Гьечова как источник для этнографического изучения северной Албании, надо иметь в виду и другие ее пробелы.

Гьечов не упоминает о роли турецкой администрации в жизни крестьян северной Албании, умалчивает о том, что в равнинных областях страны, а также в районе, непосредственно примыкающем к Шкодре, основную силу в гражданских и уголовных делах имело турецкое законодательство. Правда, первая публикация материалов Кануна была сделана в 1913 г., после провозглашения независимости Албании (28 ноября 1912 г.), но по существу все они относятся к предшествующим десятилетиям, и совсем сбрасывать со счетов деятельность турецкой администрации нельзя.

Гьечов чрезвычайно слабо разбирался в номенклатуре родственных и общественных групп: в записях перепутаны родственные группы, принадлежащие к отцовской (vllazni) и материнской (gjini) линии родства (§ 19); полностью смешаны понятия о фисе и байраке, что затрудняет понимание текста (§ 91, 824, 825 и многие другие); очень запутано употребление термина katund (село).

¹⁹ Литературный перевод основного текста Кануна см. в работе: Ю. В. Иванова, Законник Лека Дукагьини как этнографический источник, Кандидатская диссертация, М., 1954, архив Ин-та этнографии АН СССР.

²⁰ L. Mjeda, Das Recht der Stämme von Dukadschin, «Zeitschrift für Ethnologie», т. 33, 1901, стр. 353.

И все же книга «Канун Лека Дукагьини» является солидным сводом фактического материала о жизни, хозяйственной и общественной деятельности албанского крестьянства, о тех правовых и этических нормах, порядках, обычаях, понятиях, которые сопровождали его жизнь, о семейном укладе, обрядах, религиозных представлениях и многом другом.

Настоящая работа касается тех положений обычного права и тех разделов «Кануна», которые характеризуют общественные отношения в северной Албании во второй половине XIX в.—первой четверти XX в.

* * *

Наиболее древними общественными отношениями, нашедшими отражение в Кануне, следует признать те, которые связаны с эпохой патриархально-родового строя.

Основным субъектом права в Кануне выступает «дом» (т. е. семья). Все поступки человека, все его заслуги и проступки перед обществом воспринимаются как добро или зло, совершенное домом (семьей) в целом. Дом отвечает за каждый поступок члена семьи (§ 17, 27, 1179, 1187, 1190); семейное имущество — общее владение; заработки, подарки всех членов дома идут в общую кассу, расходы, штрафы выплачивает семья сообща (§ 20, 26, 62, 64); клятву дает одно лицо за весь семейный коллектив (§ 558—564); на сходе, в ополчении, в общественных работах участвует один человек от дома (§ 26, 27, 1121, 1216, 1229).

Характеристика отношений внутри североалбанской семьи, данная в Кануне, несколько противоречива. Это объясняется тем, что в Кануне собран материал, разнохарактерный как по времени происхождения, так и по месту и длительности бытования. Кроме того, в семейных отношениях довольно сильно сказываются областные различия, которые зависят в конечном счете от уровня развития производительных сил.

По всей вероятности, материалы, собранные в книге «Семья» (§ 20—25), относятся к семейной общине и характеризуют более ранние, более архаические явления. В указанное время семейная община сохранилась либо в условиях низкого уровня развития производительных сил, необходимости кооперирования в одном хозяйстве многих рабочих рук, при земельной тесноте, когда разделы крайне нежелательны (например, в Дукагьини, Никай, Мертури), либо по причинам не экономического, а общественного характера (например, в Задриме, где семья не была обеспечена родовой взаимопомощью и взаимозащитой).

Параграфы 58—63 описывают, очевидно, отношения в малой семье, или уже выделившейся из большой семьи, или как-то обособившейся внутри этой большой семьи. На появление малой семьи, глава которой одновременно был собственником семейного имущества, указывают институт исследования, хотя еще и неразвитый (§88—92, 96, 97, 104), опеку (§ 93—95, 98, 116) и право завещать церкви какое-либо имущество, в том числе недвижимое (§ 105—107, 110—113, 115).

В наше время семейная община (или большая семья) сплошь и рядом представляет собою явление вторичное: с течением времени разрастается выделившаяся из большой семьи малая (отец и несовершеннолетние дети); подрастающие и вступающие в брак сыновья продолжают жить и вести хозяйство совместно с отцом, и после его смерти они остаются в одном доме; старший из братьев становится главой семьи, однако не пользуется уже таким непререкаемым авторитетом, как отец²¹. Это явление указывает на длительный, неравномерный, извилистый путь формирования малой семьи и частной собственности.

²¹ По полевым материалам Р. Зойзи. См.: Rr. Zojzi, Kanuni i Lekë Dukagjini..., 1957, стр. 17—18.

Более широкой группой родственников является влазня (vllaznija), что значит — братство (от vlla, vllau — брат). Влазня — это группа семей, образовавшаяся, по всей вероятности, в результате распада семейной общины: при разделе общесемейного имущества некоторые угодья — пастбища, роши и т. п. — не подлежат разделу, но остаются в пользовании всей группы семей, разошедшихся от этого очага (§ 6, п. 5). Влазня выступает как общественная единица. Она имеет своего старшего, которого вызывают на сход села (§ 998), свой сход (§ 993), свое кладбище (§ 5); соприсяжников выбирают из той влазни, членом которой является человек, привлекаемый к присяге (§ 1053)²².

Фис (fis) — еще более широкая группа людей, связанная родством по мужской линии (см. выше).

Практически Канун не проводит четкой грани между членами влазни, фиса и других типов родовых подразделений, для него все они — родственники (kushrinija). Их хозяйственная общность выражается в праве преимущественной покупки имущества, особенно недвижимости (§ 17, 464—472), наследования (§ 96, 97), выкупа земли, завещанной церкви или подлежащей конфискации (§ 17, 110), а также в обязанности опекунства (§ 93—102, 116).

Все эти порядки — отражение очень древних отношений, когда хозяйственная и общественная жизнь протекала в рамках родственного коллектива и личность из этого коллектива не выделялась. Поддерживалась эта система строгой экзогамией, распространявшейся на лиц, не только состоящих в реальном родстве (§ 39, 697), но и на связанных кумовством (§ 39, 706, 707, 708, 710) и побратимством (§ 704).

Однако ко времени записи Кануна система родственных связей оказалась обременительной. Наметилось, например, стремление родственного коллектива уклониться от ответственности по делам кровной мести и сберечь свое имущество: в области Шаля в 1907 г. было вынесено постановление, согласно которому в наказание за крупное правонарушение можно сжечь только дом самого виновника, но отнюдь не дома родственников, как это следовало бы по Кануну²³. Еще более выразительно стремление уничтожить право преимущественной покупки и продавать недвижимость, особенно пахотную землю, не ближайшему родственнику, а тому лицу, которое предлагает большую цену²⁴.

Согласно закону гостеприимства (ст. 96—98, 115, § 602—666, 802, 803), каждый человек должен охранять безопасность и имущество любого лица, находящегося под крышей его дома (даже своего кровника). В то же время хозяин отвечает за все проступки гостя вплоть до того, что берет на себя кровь, пролитую гостем. Предать гостя (если хозяин допускает убийство гостя и оставляет его неотомщенным) — самый тяжелейший, самый позорный проступок для албанского горца. Эти понятия в почти нетронутom виде сохранялись в северных горах до недавнего времени²⁵.

В классовом обществе, там, где оставались еще в силе значительные элементы патриархально-родовых порядков, кровная месть продолжала существовать, однако в ней нашли отражение изменившиеся условия социальных и экономических отношений. По Кануну, кровная месть за убийство (независимо от причины, вызвавшей его)²⁶ постигает как не-

²² Характеристика влазни, данная в Кануне, подтверждается полевыми материалами автора: дневник 1956 г., стр. 85, 87, 88, 96, 116, 142, 187, 191, 218.

²³ «Shembuj në kanun të Lekë Dukagjinit», в кн.: «Kanun i Lekë Dukagjinit, Shkodër, 1933, стр. 127. В Мертури за те три дома (преступника и двух его родственников), которые подлежали сожжению, можно было вносить денежную компенсацию (Полевой дневник автора, 1956 г., стр. 182).

²⁴ Полевой дневник 1956 г., стр. 114—115, 204, 255, 256, 261.

²⁵ Там же, стр. 122, 175, 227.

²⁶ За исключением случая мщения кровью за кровь, которое является обязанностью мстителя.

посредственного убийцу и его родовую группу (§ 151, 842, 909—919, 925—927, 944—949), так и соучастников убийства (§ 251, 824—832, 838—840, 850). Объект кровной мести — группа родственников убийцы (подразумеваются мужчины всех возрастов вплоть до грудного ребенка, § 896, 897, 900). Определение состава этой группы ответчиков по кровной мести довольно затруднительно, так как этот состав изменялся с течением времени. Кровная месть первоначально охватывает весь род; с распадом первобытно-общинных начал появляется возможность акта кровной мести внутри рода, между отдельными родственными группами, например между двумя влазнями, «родственниками, от одного огня разделившимися» (§ 860). В классовом обществе, когда не только хозяйственной, но и общественной единицей становился «дом», т. е. семья, дальнейшее сужение круга ответчиков приводит к тому, что месть распространяется только на членов семьи убийцы²⁷. В это время в отношении кровной вражды могли вступить и близкие родственники: дом против дома. Такой случай указан самим Гечовым (§ 651). Случаи возникновения кровной вражды между двумя родственными домами — членами одного фиса, одной влазнии и еще более мелких родственных группировок записаны нами в Сеси, Шала, Красничи, Мирдите²⁸. Эти факты указывают на глубокий распад родовых связей.

Ко времени записи Кануна в северной Албании уже прочно установился порядок композиции — уплаты материальной компенсации, так называемой «цены крови» (как за убийство, так и за ранение). Она имела строго установленный денежный эквивалент, но выплачивалась скотом, землей, оружием, реже — деньгами (§ 496, 881, 832, 893, 895, 906, 908, 935, 937, 951, 957, 1156).

Таким образом, обычай кровной мести в правовых нормах северной Албании характеризуется чертами, свойственными обществу, где существуют торговый обмен и денежные отношения, где кровомщение сменяется выкупом, за которым следует примирение враждующих сторон. Социальное расслоение еще не отразилось на размерах выкупа: за убийство любого человека установлена одинаковая сумма. Неравноправное общественное положение женщины выражается в том, что выкуп за ее убийство вдвое меньше, чем за убийство мужчины.

Яркую социальную окраску имеет тот факт, что старшинская верхушка общества извлекала для себя из древнего родового института кровной мести материальную и политическую выгоду. Для разбирательства дела, установления размера композиции и совершения церемонии примирения кровников выбирали посредников и поручителей; ими были «старики» (плечьт), старейшины. За каждое убийство, помимо компенсации пострадавшему дому, взимался штраф скотом в пользу байрака, практически — в пользу глав родов и байракта²⁹. В Мирдите сверх того уплачивался штраф в размере 500 грошей дому Гьомарка (§ 957).

В Кануне подробно изложена беса³⁰ кровной мести — устное обязательство со стороны дома убитого, освобождающее кровников на определенный срок и при определенных условиях от угрозы мщения (§ 854—878), а также «беса скота и чабана» (§ 874—885), которая регулировала взаимоотношения между двумя байраками; возможно, это — пережиток древнейших межродовых отношений, средство урегулирования конфликтов между родами.

²⁷ L. Mjeda, Указ. раб., стр. 354.

²⁸ Полевой дневник 1956 г., стр. 107, 122, 214, 228.

²⁹ J. Hecquard, Histoire et description de la Haute Albanie ou Guegarie, Paris, [6/4], стр. 227.

³⁰ Bese, besa — вера, слово, обещание: besoj — верить, доверять; besën — держать свое слово. Бесой называется всякое обязательство, договор, заключенный между двумя коллективами.

Грабеж скота (*preja*), т. е. самовольный захват чужого скота одним лицом или группой лиц,— это средство самообороны, средство заставить противную сторону выполнить какое-нибудь обязательство, удовлетворить какое-либо требование (например, признать границу между селами, байраками, вернуть похищенное имущество и т. п.).

Кровная месть, гостеприимство, беса, грабеж скота — все эти порядки сложились в условиях родового строя, в условиях межродовой вражды и продолжали существовать в классовом обществе, в котором сохранялись еще сильные элементы патриархально-родовых отношений.

* * *

Временные напластования отчетливо заметны в тех частях Кануна, которые касаются внутреннего самоуправления фиса, влазнии, байрака.

В этой системе самоуправления еще сохранились следы демократического управления патриархальной родовой общиной. Известно, что родовую общину в эпоху патриархально-родового строя возглавлял, как правило, глава старшей в роде семьи; главы других семей или родовых подразделений составляли совет рода. Наиболее важные вопросы решались на общем сходе всех взрослых мужчин³¹. Именно эти элементы мы встречаем и в северной Албании: главу рода (*kreu e fisit, plak i fisit*), главы родовых подразделений (*krenet të medha* и др.), кувенд (*kuvend*) — сход всех взрослых мужчин. Но под этой демократической оболочкой вызревали уже элементы классовых отношений. Гьечов записывал нормы Кануна в этот критический период.

Сход (*kuvend*) относится к явлениям, возникшим еще в развитом родовом обществе и бытующим в изучаемый период в силу своеобразных условий общественной жизни. Этому способствовала, несомненно, и организация байраков, так как основным органом самоуправления байрака, как и рода, был сход.

Понятия парі (*pari* — первые) и плечът (*pleq* — старики) в Кануне разграничены нечетко и во многих случаях совпадают. Формально говоря, к парі принадлежали главы рода, главы определенных домов, а именно «первого» (старшего) дома в родовых подразделениях — влазнии и других³², командир дружины (*djaltni*). Звание парі было наследственным и приобреталось по праву первородства. К этой же категории лиц следует присоединить и байрактара. Хотя появление этой фигуры связано с иными историческими событиями и относится к гораздо более позднему времени, чем парі, но в описываемый период его роль в общественной жизни, в частности участие в совете и суде, была очень близка к деятельности парі. Под плечът подразумеваются как все эти перечисленные лица, так и старики, мудрые мужчины, знающие законы и умеющие их толковать и привлекаемые к разбору тяжб, разделов семейного имущества, различных спорных дел.

Все разделы Кануна, касающиеся плечний (*pleqni*) — совета старейшин (§ 991—1033), отражают старинные традиционные нормы обычного права³³. В них резким диссонансом врываются те параграфы, которые говорят о монополии знатного сословия на участие в совете, судах и т. д. (§1033), о материальной выгоде, извлекаемой старейшинами при исполнении судебных функций (§1026—1030). Известно, что судьи часто сами запутывали дело, чтобы затянуть время и получить

³¹ М. О. Косвен, Очерки истории первобытной культуры, М., 1953, стр. 123.

³² Номенклатура родовых подразделений в северной Албании очень сложна; в интересах ясности она дается здесь в несколько упрощенном виде.

³³ «Старики совершают суд без пристрастия и независимо от подкупов или уговоров кого бы то ни было» (§ 1015; см. также 1016, 1031).

побольше вознаграждения³⁴. Сам Гъечов признает, что бывали случаи неправильного лицеприятного решения суда старейшин (§1038—1042, 1176). О засильи знати в судах старейшин говорят и сообщения наших информаторов, относящиеся приблизительно к тому же времени, что и записи Гъечова: «Плечът выбирались по большей части из парй»³⁵; «плечът всегда были одни и те же люди, другим они не позволяли выполнять это дело»³⁶. Если же незнатных мужчин привлекали к разбору каких-либо споров, они за этот труд получали меньшую плату, чем «монопольисты» этого дела³⁷.

Гъечов, перечисляя права и обязанности главы рода (ст. 151, § 1146—1160), характеризует его как первого среди равных своих со-родичей. Однако в действительности это было далеко не так. Штрафы, взимаемые за различные уголовные преступления, которые номинально, по Кануну, идут в пользу байрака, в действительности делят между собою вожди родов, старейшины³⁸. Хотя Гъечов и декларирует экономическую независимость плембса: «Вогълия родов не обязана ни главам родов, ни двери Гьомарка [давать] десятину в налог» (§ 1160), но тут же сообщает, что в Мальсии э Гьяковэс старейшины имеют право на лишнюю очередь пользования оросительной канавой, кроме той, какую они имеют наравне со всеми домами. Это значит, что старейшины, используя свое должностное положение, узурпировали права общины, захватили большую долю при использовании общинной собственности.

Представители парй имеют более солидный общественный вес, чем рядовые общинники: если старейшин байрака просят выступить в качестве соприсяжников, голос одного из них приравнивается к голосам 12 соприсяжников (§ 1049, 1223).

Ко времени Гъечова этот привилегированный слой был уже достаточно четко оформленным. Все параграфы, касающиеся вогълии и стерплечът (§ 1004—1008, 1010—1012, 1014, 1106—1111, 1156—1166, 1176—1178), красноречиво говорят об этом. Вогълия (vogjli)³⁹ — это масса простого народа, который участвует в общем сходе. Вогълия прямо противопоставляется старейшинам: она может не согласиться с их решением, потребовать пересмотра дела на суде и т. д. Взаимоотношения между аристократией и простым народом характеризовались порой весьма острыми конфликтными ситуациями⁴⁰.

Из рядов вогълии, «младших», плембса, выходили арендаторы — издольщики земли⁴¹, рабочего скота (волоу)⁴², наемные работники, пастухи, отходники⁴³. Именно они брали у местных «крепких хозяев» деньги и зерно под высокие проценты⁴⁴.

Очевидно процесс расслоения общества на эксплуататоров и эксплуатируемых зашел уже далеко, если простой люд оказывал сопротивление плечъий, прибегая к помощи стерплечът (sterpleqt)⁴⁵ — группы лиц, избираемой из среды вогълии для проверки решения плечъий (§ 1168—1170).

³⁴ Полевой дневник 1956 г., стр. 166, 173, 177, 184, 189.

³⁵ Там же, стр. 166.

³⁶ Там же, стр. 177.

³⁷ «Shembuj në Kanun të Lekë Dukagjinit», стр. 126.

³⁸ Там же, стр. 114—115, 124, 125, 126.

³⁹ Vogël — малый, младший; прямое этимологическое противопоставление термину «плак» — старик.

⁴⁰ Полевой дневник 1956 г., стр. 151, 165, 172, 177, 189, 211.

⁴¹ В высокогорной местности землю редко сдавали в аренду. (Полевой дневник 1956 г., стр. 115, 258). Сведения, сообщаемые Гъечовым об аренде земли, относятся в основном к Задриме.

⁴² Волоу брали в аренду и в горах (Полевой дневник 1956 г., стр. 162, 287, 258).

⁴³ Там же, стр. 117, 147, 153, 163, 188, 237, 260.

⁴⁴ Там же, стр. 103—104, 149, 238, 259.

⁴⁵ Иногда Гъечов пишет strapleqt. Сведения Гъечова об этой организации подтверждают наши информаторы (Полевой дневник 1956 г., стр. 184).

Надо иметь в виду, что в горах имущественное неравенство было выражено менее резко, чем на равнине, где существовали крупные (сравнительно с горными районами, хотя и гораздо меньшие, чем на юге страны) земельные владения и где особенно были развиты издольщина и батрачество.

Если в патриархально-родовом обществе главенство принадлежало старшим по возрасту, то в эпоху складывания классовых отношений оно перешло к определенной группе, внутри которой по наследству от отца к сыну переходят командные должности. Чисто условные названия социальных групп, фигурирующие в Кануне, отражают бывшее реальное положение вещей: *pleqt* — старики, старшие старейшины — ныне это уже представители более богатых, более сильных и влиятельных семей, родовых подразделений, родов и т. д.; *vogjli* — младшие, меньшие — беднота, простолюдины, плебс. В некоторых местах как синоним *воглии* употребляли термины *djaltni* (парни), *ginija* (молодежь), *porulli* (народ) ⁴⁶.

* * *

Противоречивость Кануна — сочетание декларативных заявлений о равенстве всех людей перед законом, независимо от социального положения, с фактическими сведениями о реальном неравенстве — наиболее ярко отразилась в параграфах, посвященных дому Гьомарка (ст. 150, § 1126—1145 и многие другие).

Власть Гьомарков в Мирдите основывалась на народной традиции, согласно которой Гьомарки принадлежат к дому Люли (Luli), основанному, по преданию, Люли Дукагьини (Luli Dukagjini), сыном Паля (Pal) Дукагьини, политического деятеля эпохи Скандербега ⁴⁷. Гьомарки, власть которых уходила корнями в родовые традиции, уже сломали эти традиции, выделились из среды общинников-сородичей, подчинили их себе экономически и политически и распространили свое влияние на политический союз неродственных байраков.

Правовое положение дома Гьомарка в среде сородичей двойственно. С одной стороны, он все еще считается якобы обычным членом общины: в случае его вины он «отвечает по Кануну» (§ 350, 1012, 1014, 1140, 1141, 1156, 1229, 1233). Но эта иллюзия равноправия тут же разрушается: оказывается, что на практике этот дом недосыгаем для суда Кануна. Более того, дом Гьомарка, являясь высшей судебной инстанцией, сам диктует свою волю суду старейшин: «дом Гьомарка, является основой Кануна» (§ 1126, см. также § 1131, то же в § 1035, 1038, 1041, 1043). Во времена Гьечова турецкое правительство назначило Марк Гьон Марки (Гьомарк) пашой Мирдиты, выплачивало ему жалование и снабжало оружием его дружину. Это давало ему возможность удерживать военной силой в повиновении подчиненные ему байраки, а также выкачивать большие доходы от населения. В его казну поступали всевозможные штрафы, взимаемые с народа (§ 27, 592, 957, 1199) ⁴⁸. Дом Гьомарка был главным ростовщиком в Мирдите ⁴⁹.

До сих пор речь шла в основном о тех областях северной Албании, где в той или иной степени сохранялись патриархально-родовые отношения, в частности, довольно компактное расселение родовой группы на одной территории.

Среди областей северной Албании, где действовал Канун Лека, были и такие, где принцип расселения по фисам был уже утрачен. Как

⁴⁶ Записано в Мертури (Полевой дневник 1956 г., стр. 177), в Красничи (там же, стр. 211), в Мирдите (там же, стр. 248), Никай (там же, стр. 172).

⁴⁷ Rr. G. Z. j. i, Mirdita (рукопись, хранится в архиве сектора этнографии Ин-та истории при Тиранском гос. университете), стр. 23—24, 30, 33.

⁴⁸ Это подтверждает и J. Hecqard, Указ. раб., стр. 227.

⁴⁹ Полевой дневник 1956 г., стр. 264.

результат различных перемещений и перемешивания населения (главной, но не единственной причиной которых было турецкое завоевание), определенные местности оказывались заселенными людьми различного происхождения, неродственниками. Этот факт, а также ослабление значения кровного родства в процессе социально-экономического развития привели к возникновению новой формы общественного быта — соседской (в данном случае — сельской) общины. Среди тех областей, где действовал Канун Лека, сельская община наиболее характерна для Задримы. Есть основание предполагать, что все или почти все материалы нашего источника, характеризующие присущий сельской общине дуализм (одновременное существование частной и общинной собственности), относятся к Задриме.

Большую роль в общественной и экономической жизни играла католическая церковь. Она взимала с населения десятину (§ 9), разными путями сосредоточивала в своих руках земельные владения: отдельные лица, например, могли завещать церкви землю или какое-либо другое имущество (§ 2)⁵⁰. В этом случае церковь вступала в борьбу с прежними порядками, основанными на неотчуждаемости земли из владения рода (§ 105—107, 110—113). В пользу церкви отчислялась часть штрафа, взимаемого с преступника в пользу байрака (§ 2). Иногда священники сдавали церковную землю в аренду⁵¹, но чаще эту землю обрабатывали наемные работники из бедняков. Священники зачастую являлись и ростовщиками⁵².

Авторитет церкви был особенно велик в деле примирения кровников — гораздо выше, чем власть турецких чиновников⁵³.

Канун защищал имущество и честь церкви. За серьезное оскорбление, нанесенное церкви и священнику, преступник наказывался сожжением дома, изгнанием, а иногда и смертной казнью с конфискацией имущества в пользу церкви (§ 17). За кражу в церкви или в доме священника вор облагался в пользу церкви и байрака штрафом, размер которого был наивысшим, допускаемым Кануном (§ 17, 498).

Таким образом, в деле накопления богатства служители церкви солидаризировались с родовой аристократией, вместе с которой пробивали себе путь к новым общественным порядкам, характерным для классового общества.

«Старый Канун,—как и в последнее время во многих случаях,—не знал цены в деньгах...» (§ 492).

Гьечов не уточняет, какое время понимается под словами «старый Канун»; во всяком случае речь идет о времени, более раннем, чем конец XIX в. Во времена же Гьечова деньги уже прочно вошли в хозяйственную деятельность крестьян. Денежные суммы фигурируют во всех штрафах, композициях и других платежах, в понятии «семейное имущество» (§16, 43, 44, 55, 69, 319, 325, 484, 514).

Однако крестьяне далеко не всегда располагали наличными деньгами, и во времена Гьечова еще широко действовал старинный порядок расплаты по имущественным обязательствам «вещь за вещь» (§ 493—497, 804, 807, 1171—1175). Конкретные примеры, приводимые Гьечовым, почти всегда указывают на смешанный характер штрафов: и натурой. и деньгами (§ 16, 17 и многие другие).

Очень важен вопрос о наличии ростовщического капитала. Шестую книгу «Кануна» Гьечов начинает с категорического утверждения: «Канун знает простой заем: сколько получил, столько должен отдать» (§ 500). Но в примечании к этой же статье (ст. 82) говорится, что это

⁵⁰ Полевой дневник 1956 г., стр. 142, 179, 262; 1958 г., стр. 11, 19, 31, 50—51.

⁵¹ Там же, стр. 19, 31.

⁵² Там же, стр. 32.

⁵³ Там же, стр. 80, 81, 107.

порядок старый, известный по рассказам стариков (следовательно, речь идет примерно о середине XIX в.). В момент записи Кануна существовал уже другой порядок, который Гьечов называет «неправильным» — давать взаймы под проценты. Значит, перед нами обычное явление ростовщичества.

В свете заявления Гьечова о том, что «старый Канун не знал цены в деньгах», все сведения и материалы о денежной ссуде, даваемой под проценты, следует отнести к сравнительно более позднему времени, когда среди крестьян появилась определенная прослойка людей с капиталом, который они могли пустить в оборот в виде ростовщического капитала.

В первой четверти XX в. ростовщичество имело место во всех районах северной Албании вплоть до горных областей. В рост давали деньги, зерно, иногда проценты с денежной ссуды взымались зерном⁵⁴. Уплата долга обеспечивалась взиманием залога — вещи (§ 499—500), институтом поручителей⁵⁵, правом кредитора захватить силой скот должника (грабеж, *греја*, см. выше), судом старейшин, взымавших с несостоятельного должника штраф не только в пользу кредитора, но и в свою собственную пользу. Все это вело к еще большему обогащению зажиточных крестьян и разорению бедняков, т. е. усугубляло имущественную дифференциацию, шедшую рука об руку с социальным неравенством⁵⁶.

SUMMARY

The highland part of Northern Albania was for centuries the most economically isolated part of that country, with an extensive agriculture and very low living standards. It is therefore quite natural that even in the first three decades of the 20th century there still continued in the area a slow, inert and irregular process of the formation of class relations among the peasantry. Customary right still prevailed at the time (traces of it are in existence even today).

Codes of unrecorded laws and customs guiding family and public life, are called in Albania «kanuns». The best-known among the several existing «kanuns» is the so-called «Kanun of Lek Dukagjini», recorded at the end of the 19th century by the Catholic priest S. K. Giechov.

The present article attempts to compare different parts and paragraphs of this «Kanun», and to establish their chronology. In doing so, the book by Giechov had to be augmented by scientific data and by notes taken by the author in the course of field investigations. The «Kanun of Lek Dukagjini» is of great interest for studies in Albanian ethnography: like any customary law code, it reflects the period of the disintegration of the clan system and the emergence of a class society. Reflected in the «Kanun» are the acute contradictions between the principle of tribal democracy and collectivism, on the one hand, and the new class tendencies of private property, emerging within the clan. Tribal organization of society, land ownership by the clan with pre-emption as its latest survival, wide hospitality, blood revenge — all these living practices and institutions of customary law actually covered the social division that was clearly manifest: the tribal nobility, military-political leaders and the Catholic Church counterbalanced by the ordinary people — peasants and warriors (the plebs).

⁵⁴ «Shembuj në Kanun të Lekë Dukagjinit», стр. 126.

⁵⁵ Поручителем называется лицо, которое ручается перед кредитором своим имуществом, что долг будет возвращен в условленный срок (§ 683—694). Без сомнения, институт поручителей возник в интересах кредиторов, т. е., как мы уже убедились, — ростовщиков, и направлен против малоимущих членов общества.

⁵⁶ Именно такую характеристику денежным отношениям и ростовщичеству дают наши информаторы (60—90-летнего возраста), подтверждая тем самым показания Гьечова. (Полевой дневник 1956 г., стр. 103, 149, 162, 238, 259, 264.)